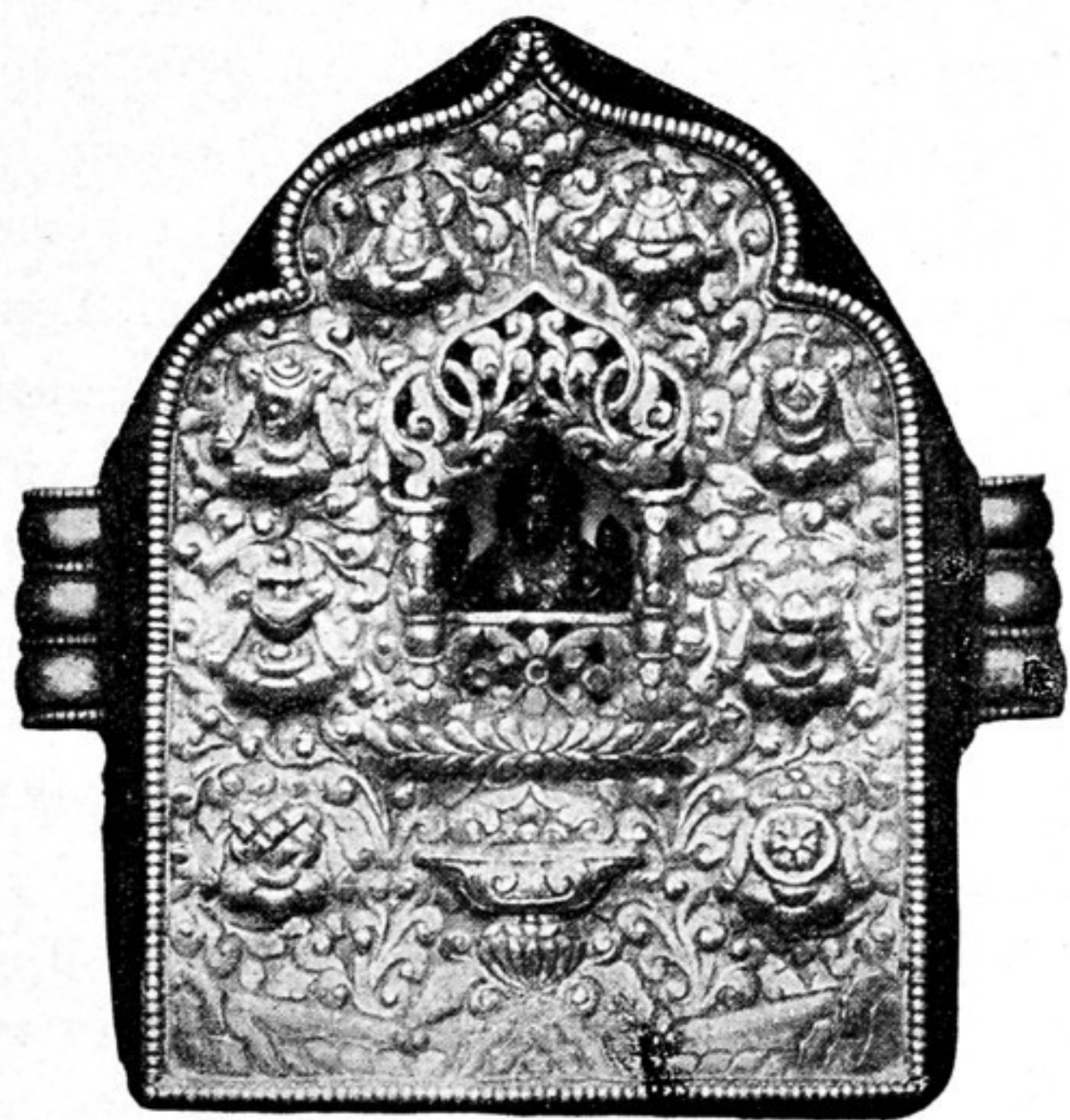

дипломатическихъ переговоровъ въ качествѣ представителей мѣстной тибетской администраціи. Старшій изъ нихъ, въ званіи да-лама, высокій брюнетъ, съ черными пронизательными глазами, былъ въ темно-красныхъ одеждахъ и парадной шляпѣ, украшенной синимъ шарикомъ. Черезъ плечо этого чамдо'сца, подобно генеральской лентѣ,

Серебряное гау, прибрѣтенное въ Чамдо.

висѣла связка серебряныхъ гау¹⁾, а въ лѣвомъ ухѣ — наградная массивная золотая серьга, художественно отдѣланная бирюзой и кораллами. Двое другихъ меньшихъ чиновниковъ составляли его свиту. При встрѣчѣ съ нами чамдо'сцы тотчасъ сошли съ своихъ богато-убранныхъ лошадей и вѣжливо привѣтствовали насъ; мы отвѣтили тѣмъ же. Велѣдъ за симъ, да-лама сталъ просить меня не заходить въ Чамдо,

согласно будто бы желанію находившихся тамъ лхас'скихъ чиновниковъ, привезшихъ изъ резиденціи далай-ламы такого рода распоряженіе. Умоляюще складывая руки и устремляя глаза къ небу, да-лама продолжалъ настоятельно просить о томъ же. „Пожалѣйте мою голову“, показывая пальцемъ на шею, повторялъ представитель чамдо'ской власти и каждый разъ, въ ожиданіи перевода фразы, его испуганное лицо страшно блѣднѣло. Съ своей стороны я выразилъ да-ламѣ большое удивленіе, что чамдо'ская администрація рѣшила заговорить съ нами позже, нежели слѣдовало, иначе такого сложнаго недоразумѣнія не могло произойти. Во всякомъ случаѣ поступокъ тибетцевъ, дѣйствовавшихъ по наущенію главы великаго монастыря и окрестныхъ ему кумиренъ, переполненныхъ монахами, послужить большимъ укоромъ совѣсти для того, кто благословилъ воиновъ поднять противъ насъ оружіе и кто теперь, потерявъ голову, командировалъ его къ намъ для улаживанія этого непріятнаго дѣла. На мои доводы хитрый

¹⁾ Одно изъ тѣхъ гау изображено на приложенномъ рисункѣ.